

Librarium

Λόγος
Δάφνις και Χλόη

ЛОНГ
ДАФНИС И ХЛОЯ

РИПОЛ
КЛАССИК

УДК 821.124
ББК 84(4Ита)3
Λ76

*Перевод с латыни Д. С. Мережковского
Вступительная статья и комментарии А. В. Маркова*

Лонг

Λ76 Дафнис и Хлоя / Лонг ; [пер. с лат. Д. С. Мережковского; вступит. ст., коммент. А. В. Маркова]. — М. : РИПОЛ классик. — 222 с. — (Librarium).

ISBN 978-5-519-64054-1

Первая новелла в европейской литературе, «Дафнис и Хлоя» Лонга не просто безыскусный эротический рассказ о красоте пастушеской жизни, в нем с небывалой силой выразилась античная философия любви. Без этого произведения не полон образ Античности, его можно назвать художественным исследованием того, как любовь из безотчетного чувства превращается в разумную созидательную силу. Чтение «Дафниса и Хлои» — своеобразный психологический эксперимент и одновременно введение в самые высокие понятия классической философии. В XX веке «Дафнис и Хлоя» были воплощены в разных искусствах, от балета до кинематографа. В данное издание включен перевод новеллы, выполненный выдающимся русским писателем Д. С. Мережковским, и его же статья о Лонге. Современный научный взгляд на произведение представлен во вступительной статье проф. А.В. Маркова.

**УДК 821.124
ББК 84(4Ита)3**

© Марков А. В., составление,
вступительная статья,
комментарии, 2018

© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2018

ISBN 978-5-519-64054-1

ЛЮБОВЬ БЕЗ СЦЕНАРИЕВ: ЛЮБОВНАЯ ПОВЕСТЬ КАК УРОК ЛИЧНОЙ ЗРЕЛОСТИ

Первая новелла в истории, «Дафнис и Хлоя» Лонга, вероятно написанная во II веке нашей эры, принадлежит сразу трем жанрам, каждый из которых нашел свою завершенную форму в повествовании.

Первый жанр — прозаическая пастораль, рассказ о пастухах и пастушках. В античности существовали поэтические пасторали; они же эклоги, буквально, «избранные главы»; они же буколики, буквально «песни скотоводов». Рассказать городским жителям о прелестях сельской тишины, воспеть приятность отдохновения, которого мы лишены в городских стенах, — ближайшая, приятная, но не самая важная задача жанра. Настоящая его цель —

показать, как мы обретаем речь среди красот природы: как пастухи, преданные своему делу, могут объясняться не только жестами, но и словами, и потому создавать сообщество, дружить и любить. Иначе говоря, это рассказ о пробуждении человека разумного, столь же важный для воспитания людей, как сейчас важны для всего общества книги о возникновении человека: труды по антропогенезу и социальной психологии. Если такие труды читают не только специалисты, они достигают своей благой цели.

Второй жанр — приключенческий роман, или как тогда говорили, «деяния». Таких «деяний» было много; и хотя набор приключенческих ситуаций всегда ограничен, главными здесь оказывались страдания героев. Герои были рабами или бывали обращены в рабов, попадали в бурю, к разбойникам, под несправедный суд, им грозили пытки и казни, но они выходили из всех ситуаций победителями. Так и Дафнис и Хлоя — люди несвободные, рабы, Дафнис подвергается рабским наказаниям, с Хлоей обходятся как с последней рабыней;

но они обретают любовь, о которой могут только мечтать свободные люди. «Деяния», как доказала выдающаяся отечественная исследовательница античной мифологии Ольга Фрейденберг, всегда подразумевают «страсти»; и приключенческий роман того времени — рамка юного христианства, религии, давшей рабам и угнетенным не только надежду, но и волю к победе после множества испытаний, волю к утверждению всеобщего равенства.

Третий жанр — экфрасис, описание произведения искусства. Пролог повести сообщает о том, что перед нами не рассказ о действительных событиях, а описание сюжета картины: сюжет оставался непонятен до тех пор, пока экзегет (толкователь) не объяснит содержание картины — его объяснение и есть вся остальная новелла. Для нас, воспитанных на живописи пленэра, картины утратили познавательное значение, для нас это необязательные зарисовки; но картина, о которой говорит Лонг, скорее должна быть сопоставлена с нашими чертежами и схемами, с проектами, предназначенными непременно к осуществлению.

Экфрасис — лучший способ превратить замыслы в действительность. Герои, не будь они на картине, были бы робкими и нелепыми, действие казалось бы либо слишком случайным, либо слишком надуманным. Но экфрасис превращает любовные порывы в настоящую большую любовь, первые проявления нежности — в правило жизни, томительные переживания — в необходимый стиль существования. Такова магия экфрасиса: превращать едва намечившееся, боязливое, странное — в полногласное, торжественное, вполне осуществившееся. Не случайно экфрасис был одним из важнейших упражнений при обучении ритора: кто умел выразительно описать картину, представив действие на ней как реальное и захватывающее, тот, как считалось, овладел силой политического убеждения и влияния. И как показала уже упомянутая Ольга Фрейденберг, экфрасис — это еще и продолжение древнейшей формы театра: «райка», кукольного театра, в котором просто предъясняются персонажи и вещи как чудесное явление, где всё — чудо, и всё — полнота реальности. С учетом

такого происхождения, вполне можно представить Дафниса и Хлою персонажами кукольного театра: именно в этом, а вовсе не в характере двух героев, та словно простота и наивность повести, которая умиляет и восхищает столь многих, но не всеми понимается верно.

Эти три жанра объединены единым принципом: природа — не предмет сухого наблюдения, но сама наша жизнь, захватывающая нас, пленяющая нас, заставляющая нас почувствовать себя ее частью. Сами имена, Дафнис и Хлоя — говорящие: Лавр и Трава; и уже в произнесении имен слышен напряженный шелест листьев над кроткой улыбкой травы. Античная любовная повесть — давний предок современного фэнтези: не просто исследование психологических или социальных ситуаций, а целый мир, в который надо войти, чтобы понять упорство его характеров и мягкость речей, тайные знаки и бесповоротные решения, злые авантюры и щедрые дары.

Об авторе повести не известно ничего. «Лонг», по-латыни Длинный, было рабским прозвищем, а не настоящим именем. Некото-

рые исследователи даже отказывались признать авторство раба, утверждая, что наименование «Лонгус» возникло из ошибки переписчика, добавившего лишнюю букву в слово «логос», «Слово о Дафнисе и Хлое». Предположение хоть и интересное, но невероятное: конечно, «Слово» может означать риторическое выступление, речь, но, скорее, здесь подошел бы термин «Повесть» (по-гречески, диэгема). Мы бы предположили другое: автор был образованным человеком, но, сочувствуя своим героям, принял рабский псевдоним, чтобы до конца прочувствовать и выразить всё, происходившее с ними.

Такие книги, как «Дафнис и Хлоя», в самой античности ценились как редкости, переписывались особо тщательно, представляя собой сувенирные издания. Наша повесть была найдена случайно, никто из античных и средневековых авторов ее не цитировал, как в альбомы по искусству не включают фарфоровые статуэтки. Ни в коем случае любовные повести не были массовым чтением, это не нынешние карманные книжки любовных романов: скорее, они были дорогостоящим наслаждением тогдаш-